

В ЗАЩИТУ И.А. ЕФРЕМОВА (ВОСПРИЯТИЕ И КРИТИКА ПИСАТЕЛЯ И ЕГО ТВОРЧЕСТВА В СОВЕТСКУЮ И ПОСТСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ)

Искендиорова И.М.

*ФГБОУ ВО Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д.1.*

e-mail: aorin-arren@mail.ru

поступила в редакцию 15 ноября 2017 года

Аннотация

В статье дается краткий обзор того, как менялось со временем восприятие научно-фантастического цикла И.А. Ефремова «Великое Кольцо» в критических и литературоведческих работах советской и постсоветской эпохи. Особое внимание уделяется формированию стереотипного образа утопического мира, созданного в произведениях писателя, который большинством фантастоведов характеризуется как «геометрически-холодный», застывший в достигнутом им совершенстве. Была сделана попытка переосмыслить один из аспектов этого стереотипа с целью найти новые способы интерпретации классических образцов советской научной фантастики.

Ключевые слова: *фантастика, научная фантастика, космическая фантастика, советская научная фантастика, утопия, Ефремов, фантастоведение, литературная критика.*

Введение. Значение творчества Ивана Антоновича Ефремова для советской научной фантастики (далее – НФ) трудно переоценить. Однако при ближайшем знакомстве с обширным массивом как литературно-критических, так и научных работ о самом авторе и его произведениях можно заметить некую двойственность в восприятии и оценке творческого наследия писателя. С одной стороны, авторитет Ефремова признается всеми, кто имеет хоть какое-то отношение к фантастике, будь то читатели, писатели, критики или литературоведы; если смотреть на его место в мировом контексте НФ, то Ефремов, наряду с А. и Б. Стругацкими, является одним из немногих советских фантастов, которые хорошо известны и популярны на Западе и даже стали частью общего «канона». С другой стороны, во многих работах, появившихся после схлынувшей первой эйфории от публикации «Туманности Андромеды», сначала глухо и с оговорками, а затем прямо и жестко стали высказываться упреки в несовершенстве «совершенного мира» произведений Ефремова, которые складываются в т. н. цикл «Великое Кольцо» (романы «Туманность Андромеды», «Час Быка», повесть «Сердце Змеи», рассказ «Пять картин»).

Анализируя сложившуюся ситуацию вокруг произведения совсем другого времени – романа Н. Чернышевского «Что делать?» – П. Вайль и А. Генис выдвигают довольно интересное предположение: «Быть может, в осуждении критиков срабатывает принцип дополнительности, который обычно выражается словом «зато»: зато как написано, зато глубина, зато смелость, зато польза и так далее. Быть может, невероятная – даже для литературоцентристской России – слава книги Чернышевского подталкивает к некому противодействию, выравниванию оценки, призванному ввести восторги в разумную степень: зато художественное качество отсутствует» [1]. В робких нападках на Ефремова просматривается тот же компенсаторный принцип: «Туманность Андромеды» – знаковое и важнейшее произведение советской НФ, роман, который «в одиночку» сумел полностью изменить движение современного ему литературного процесса и «лицо» своего жанра, зато...

Это «зато» включает в себя обширный спектр претензий к автору: от идеологических до художественных аспектов его творчества. Довольно быстро стало общим местом утверждение, что мир, созданный фантастом, выглядит «геометрически-холодным» [2]: «При всех достоинствах этой книги картина жизни общества будущего поражает своей статичностью. Это мир геометрически правильных линий, мир застывших форм, мир, которому просто-напросто некуда развиваться. Недаром появляется образ Великого Кольца как символ завершенности» [3]; «...борьба с неподконтрольными формами жизни, с жизнью

как таковой, всегда несущей в себе угрозу смерти, превращает идеализацию в спиртовой раствор, в котором консервируется специфическое для утопии промежуточное состояние между жизнью и смертью» [4]; «Во всей русской и советской литературе нет примера более масштабной и более фундаментальной утопии. Но утопия эта... холодновата, если не сказать прямо – холодна; в ней многое, почти все – от логики, эмоциям оставлено не столь уж много места» [5]. Прочитанные работы относятся к разным годам и даже разным эпохам, но их единодушие не может не поражать. И это единодушие проистекает во многом из уже сформировавшегося в сознании критиков и читателей устойчивого стереотипного образа ефремовского мира.

В мои намерения не входит отстаивать непогрешимость Ефремова. Как и всякое произведение искусства его романы, повести и рассказы имеют свои очевидные сильные и слабые стороны, обусловленные вполне конкретными причинами. Я лишь хочу показать, как менялась с течением времени оценка творчества фантаста и как складывался тот стереотипный образ, который теперь мешает более полному и глубокому восприятию произведений писателя не только обычным, но даже профессиональным читателем (критиком, литературоведом). Если вновь обратиться к Вайлю и Генису: «Книгу изучали – и как часто бывает в таких случаях – практически перестали читать» [1]. Я предлагаю взглянуть на мир Ефремова свежим взглядом и попытаться увидеть то, что старательно не замечают фантаствоведы, заключенные в «геометрически-холодную» клетку устоявшихся представлений о Ефреме.

Основная часть. Первым из позднее сформировавшегося цикла «Великое Кольцо» был опубликован роман «Туманность Андромеды» (журнальная публикация завершилась в 1957 г.). Ефремов к тому моменту был уже достаточно признанным писателем, получившим к тому же «благословение» от А.Н. Толстого, классика как НФ, так и советской литературы вообще. Чтобы понять, какой эффект произвел выход «Туманности...», необходимо пояснить, что к моменту появления романа Ефремова в советской НФ на протяжении уже нескольких десятилетий почти безраздельно господствовала т. н. «фантастика ближнего прицела», которая культивировала строгий техницизм и ориентацию на разработку тех научных гипотез, которые должны оказать влияние на ближайшее будущее советского народа (практичность этих гипотез подразумевалась сама собой). Тема освоения космоса и далекого будущего таким образом «выпадала» из поля интересов советской НФ. Редкие обращения к ней были не очень удачны и вдобавок еще и стигматизировались критикой как низкопоклонство перед Западом. С приходом «оттепели» ситуация постепенно начала меняться в лучшую сторону, но фантастике все еще не хватало «толчка», чтобы пойти в новом направлении.

«Туманность Андромеды» стала настоящей сенсацией и была сразу же осознана как произведение, задающее то самое новое направление в советской НФ и четко обозначающее границу между старой и новой фантастикой. Хотя почва для выхода романа и была подготовлена как приходом «оттепели», так и постепенным нарастанием новых тенденций внутри самой фантастики (Ефремов впервые обратился к теме космоса уже в 1947 г. в повести «Звездные корабли»), «Туманность...» поразила абсолютно всех смелостью и размахом замысла и масштабом изображаемой картины мира: «Эффект появления «Туманности...» был еще более силен на фоне несчетных творений западной фантастики, в которых судьбы Земли настойчиво рисовались не иначе, как в мотивах Страшного Суда: ничтожные и истекающие ненавистью друг к другу обыватели сжигали нашу голубую и зеленую планету испепеляющим атомным огнем» [6]. Первые рецензии и читательские отзывы были восторженными, роман тут же оказался на переднем крае борьбы за «право на крылатую мечту» (так назвал свою рецензию В. Дмитриевский, и со временем это название само стало крылатым, но, конечно, в другом смысле). Многие из тех, кто писал рецензии на роман «по горячим следам», сохранили свое восхищенное к нему отношение, несмотря на все дальнейшие изменения в осмыслении произведения.

Благоприятная атмосфера вокруг «Туманности...» была нарушена в 1959 г., когда в «Промышленно-экономической газете» был опубликован читательский отзыв некоего

А. Антонова с критикой идеологической и художественной составляющих романа. Кем был Антонов, какова была настоящая причина этой «реплики читателя» и почему она появилась в «Промышленно-экономической газете», которая имеет к литературе лишь косвенное отношение, – вопросы, которые до сих пор остаются без ответа. Так или иначе, эта «реплика» вызвала ожесточенную полемику между «Промышленно-экономической газетой» и «Литературной газетой», которая встала на защиту Ефремова. Победа осталась за сторонниками «Туманности...», что еще больше укрепило позиции романа и нового направления в фантастике. Все последующие критические работы этого периода были крайне благожелательны.

Нельзя, однако, сказать, что критики и читатели вообще не видели никаких недостатков в романе. Произведение быстро стало, как сказали бы сейчас, культовым, но даже в самый острый момент полемики академик В. Амбарцумян, выступивший в защиту «Туманности...», не мог не заметить, что «неоспоримы и довольно серьезные недостатки книги» [7]. Тем не менее, символическое значение романа было настолько велико, что критики и читатели предпочли закрыть глаза на несовершенства книги, которая открывала двери в новый мир. Опять-таки роман идеально вписался в настроение своего времени (неслучайное случайное совпадение выхода романа с годом запуска Спутника было осмыслено символически, в том числе и самим автором).

Триумфальное шествие Ефремова по советской НФ продолжилось с выходом повести «Сердце Змеи» в 1959 г., которая последовала за «Туманностью...». Довольно быстро возникли многочисленные подражания от других фантастов, утопии «а-ля Ефремов», сформировалась даже т. н. «ефремовская школа». Тем более, что появившимися в то время первыми профессиональными фантастоведом творческий метод Ефремова был канонизирован как воплощающий истинный дух советской НФ. Таковы работы А. Бритикова, Е. Брандиса, В. Дмитревского, Д. Биленкина, Г. Гуревича, Б. Ляпунова и др. Переводы на иностранные языки, которые были выполнены достаточно оперативно, способствовали распространению творчества Ефремова за рубежом. Западные любители фантастики также высоко оценили роман: «Книги Ефремова, Казанцева и Немцова хорошо известны советским читателям, и нет нужды их перечислять или излагать их содержание. Я считаю две из них «Туманность Андромеды» Ефремова и «Пылающий остров» Казанцева – подлинными шедеврами научно-фантастической литературы. Они могут занять место наравне с произведениями Жюль Верна, Уэллса, Хэйслийна и Мэриэтты в библиотеках не только любителя научно-фантастической литературы, но и всякого культурного человека» [8].

Но все же невозможно было и дальше игнорировать некоторые очевидные слабые места произведений писателя. В литературе это выразилось в отталкивании от предложенной Ефремовым модели – такой путь избрали братья Стругацкие: «Мысль написать утопию – с одной стороны вполне в духе Ефремова, но в то же время как бы и в противопоставление геометрически-холодному, совершенному ефремовскому миру, – мысль эта возникла у нас самым естественным путем» [2]. В 60-е годы братья Стругацкие в значительной степени потеснили Ефремова с центрального места в советской НФ. Советская фантастика снова изменилась, правда, уже не так революционно, как с выходом «Туманности...» в свое время. В критике постепенно стали появляться первые указания на «пятна на солнце» (например, статья А. Синявского «Без скидок», 1960 г.).

В 1969 г. вышел новый роман из цикла «Великое Кольцо» – «Час Быка». Ситуация, сложившаяся вокруг этого произведения, оказалась достаточно сложной. Первоначально благополучно изданный роман (успели выйти и первые рецензии на него) через некоторое время был признан антикоммунистическим, запрещен и поспешно изъят из всех библиотек. После смерти Ефремова, которая последовала в 1972 г., в его квартире даже был произведен таинственный обыск с неясной целью (об этом подробнее см. А. Измайлов «Туманность»). «Час Быка» же с тех пор не значился ни в одном позднейшем собрании сочинений Ефремова, которые продолжали выпускать в советское время. Безопасный после смерти автор окончательно занял свое место в пантеоне советской фантастики: «Дальше произошло самое

неприятное, что только могут учинить еретику: его канонизировали» [9]. Ефремова продолжали чествовать как одного из классиков, но настоящий интерес к его творчеству угасал вместе с верой в светлое коммунистическое будущее, которое он изображал в своих произведениях. Именно в это время складывается стереотип о застывшем в своем холодном совершенстве мире Ефремова, и с тех пор практически ни одна работа не обходится без обращения к этому утверждению.

«В 90-х полыхнул «ефремовский ренессанс», а затем имя Ивана Антоновича и тексты его в подавляющем большинстве своем откочевали в область «культурной археологии». Иными словами, сделались частью мемориала советской культуре, утратив притягательность для массового читателя. Ефремов – классик нашей НФ, но его сейчас читают очень мало» [5], – утверждает Д. Володихин. Но, пожалуй, самые интересные интерпретации творчества Ефремова были созданы, как раз начиная с этого периода. Тем не менее, даже претендуя на оригинальность, они все равно несут на себе отпечаток представлений предшествующего периода, немногие смогли освободиться от влияния господствовавшей догмы.

Первый основательный и достаточно радикальный пересмотр сформировавшейся традиции советской НФ произвел В. Ревич в своей монографии «Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны». Ефремову в ней посвящена глава «Последний коммунист». Собственно в заглавии и заключена основная мысль автора о фантасте: «Ефремов был последним коммунистом, не только верившим до конца своих дней в великую мечту, которая сумела объединить под красными знаменами миллионы людей, но и попытавшимся спасти эту веру в отчаянном призыве, почти крике» [10]. Идейным центром главы является сопоставление утопии Ефремова с «Современной утопией» Г. Уэллса, причем, в пользу последней, что несколько странно, поскольку расистские и сексистские (хотя и достаточно умеренные для своего времени) черты утопии Уэллса не могут не отторгать современного человека.

Именно в принадлежности к жанру утопии и кроется загадка формирования стереотипного образа ефремовского мира. Разумеется, «Туманность Андромеды» – это утопия, а «Час Быка» – это сочетание утопии и дистопии. Замкнутость, цельность, завершенность, претензия на изобретение идеального устройства мироздания, из чего следует отсутствие понятия прогресса и провозглашение «конца истории» – все это черты утопического дискурса, на которые обращают внимание критики Ефремова. Однако если цикл «Великое Кольцо» и является утопией, то очевидно не классической, поскольку, несмотря на попытку изобразить идеальное общество, Ефремов не отказывается от идеи прогресса, что делает его утопию не статичной, а очень динамичной. Мир Ефремова принципиально не может быть замкнут в некоем конечном совершенстве, поскольку в нем никогда не останавливается движение вперед. Это касается не только технического прогресса, который очевидно можно наблюдать по мере чтения цикла, но и развития человеческого общества и отдельного индивида в его рамках. Казалось бы, в «Туманности Андромеды» представлены настолько идеальные сверхлюди, что дальше им развиваться уже некуда, достигнут предел совершенства, однако в «Часе Быка», действие которого происходит через много лет после «Туманности...», есть очень выразительная сцена, когда сравниваются героини двух романов – Веда Конг и Фай Родис. Ефремов наглядно показывает, как изменились люди за то время, что разделяет эти два произведения, – физически, психически и духовно. Несмотря на уверенность в правильности устройства собственного миропорядка, ефремовские (сверх)люди всегда открыты чему-то новому и готовы к изменениям. Такое невозможно ни в одной классической утопии.

Т. Чернышева утверждает, что Великое Кольцо является символом завершенности. И. Каспэ в поисках Другого в пространстве цикла отказывается видеть его в гуманоидных инопланетянах, которые в рамках произведений Ефремова признаются единственными (вроде бы) братьями по разуму и партнерами по контакту, и находит Другого в черных медузах со страшной планеты железной звезды. Однако почему-то никто из критиков не вспоминает, что все гуманоидные цивилизации (антропоцентризм писателя демонстрирует себя во всей красе), объединенные Великим Кольцом, находятся в одной Галактике, где-то на задворках

Вселенной. В конце «Туманности Андромеды» люди Земли получают сообщение из другой Галактики (как раз из туманности Андромеды, то есть смысл заглавия романа открывается лишь в самом конце) и впервые обретают возможность прикоснуться к по-настоящему *иной, чуждой* жизни. Первоначально роман должен был называться «Великое Кольцо», но, видимо, Ефремов почувствовал те завершенность и замкнутость этого заглавия, которые отмечает Чернышева, и, переставив акценты в финале и дав роману новое название, фантаст сделал прорыв сквозь идеальную замкнутость кольца, намечая потенциально бесконечную перспективу развития. Однако критики, ориентированные видеть в произведениях Ефремова только коммунистическую утопию, закрывают глаза на эти важные детали.

Заключение. Временная, культурная, мировоззренческая дистанция, возникшая с распадом Советского Союза, помогла провести своеобразную ревизию классиков, проверку их на «прочность». Ефремов, несомненно, прошел эту проверку, оставшись в культурном сознании хотя бы в виде памятника самому себе. Увы, сформировавшийся в среде читателей и критиков стереотипный образ как самого Ефремова, так и созданного им мира с течением времени все больше «костенел», пока стало уже почти невозможно противиться инерции сложившихся о них представлений, даже исследователю, претендующему на оригинальность. Я затронула лишь один аспект этого стереотипа, постаравшись показать, что произведения Ефремова, несмотря на то, что их исследовали уже много лет и не один раз, все еще таят в себе нераскрытую глубину и сложность. Статью, посвященную столетию со дня рождения Ефремова, Д. Быков завершил такими словами: «Отказ от мечты, от утопии, от будущего – самая страшная и глупая ошибка постсоветской России; но, может, она начнет опять читать Ефремова? Не знаю. А хорошо бы» [11]. Пожалуй, с этим можно только согласиться.

Список литературы

- 1) Вайль П., Генис А. Родная речь. Уроки изящной словесности. М.: Независимая Газета. 1995. 192 с.
- 2) Вишневский Б. Аркадий и Борис Стругацкие: Двойная звезда. СПб.: Общественное объединение Союз Писателей Санкт-Петербурга. 2013. 440 с.
- 3) Чернышева Т. Человек и среда в современной научно-фантастической литературе // Фантастика, 1968. М.: Молодая гвардия. 1969. С.299-320.
- 4) Каспэ И. Тайна Темной планеты, или Как уверовать в будущее: о «Туманности Андромеды» Ивана Ефремова // Неприкосновенный запас. 2015. №1. С.191-208.
- 5) Володихин Д. Кот в ребрах бронтозавра. (Кем был Иван Ефремов для русской культуры?) // Настоящая фантастика – 2017. М.: Издательство «Э». 2017. С.515-525.
- 6) Ревич В. Сфера разума: Уроки «Туманности Андромеды» // Уральский следопыт. 1986. №3. С.60-63.
- 7) Амбарцумян В. Критический туман вокруг «Туманности Андромеды»: Письмо в редакцию // Литературная газета. 1959. 29 августа (№107). С.2.
- 8) Бержье Ж. Советская научно-фантастическая литература глазами француза (литературно-критическая статья, перевод В. Бемовой) // На суше и на море. 1961. М.: Географгиз. 1961. С.408-415.
- 9) Гаков В. Брешь в твердыне // Если. 2002. № 7. С.279-285.
- 10) Ревич В. Перекресток утопий: Судьбы фантастики на фоне судеб страны. М.: Институт востоковедения Российской Академии наук. 1998. 354 с.
- 11) Быков Д. Человек как лезвие бритвы // Огонек. 2007. 21 января (№3). С.22.